

ПОЭТИКА НАЦИИ И ИМПЕРИИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ МАЛЫХ ЖАНРОВ НИКОЛАЯ КАРАМЗИНА

Юлия Снежко

Вильнюсский университет
Кафедра русской филологии

Разные аспекты проблематики нации у Карамзина исследовались, как известно, многими учеными¹. Гораздо меньше внимания уделялось имперской тематике в его текстах. Здесь можно упомянуть Эву Томпсон, высказавшую мнение о том, что «История государства Российского» Карамзина «была первым шагом в направлении» создания «текстуальной империи»², суть которой, якобы, сводится к поддержанию имперских притя-

жений России³. На наличие имперского контекста или географии в «Историческом похвальном слове Екатерине II» обращает внимание Роман Казаков⁴. Связь между аргонавтическим мифом о походе за золотым руном и мифом об Астрее в панегирических жанрах Карамзина с русской поэтической традицией осмысления имперской власти отметила Вера Проскурина⁵. Однако, за несколькими исключениями, практически отсутствуют работы, в которых проблематизируется соотношение нации и империи в текстах Карамзина.

В контексте рассуждения о проблеме «воображения» нации и империи в России историк Алексей Миллер отмечает, что у Карамзина они не являются несовместимыми категориями. В качестве доказательства он приводит мнение пи-

¹ Напр., идеи Карамзина исследовались в контексте становления национального самосознания в России, см.: Hans Rogger, *National Consciousness in Eighteenth-Century Russia*, Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1960; E.C. Thaden, “The Beginnings of Romantic Nationalism in Russia”, *American Slavic and Eastern European Review*, Vol. 13, No. 4, (Dec., 1954), p. 500–521; Liah Greenfeld, *Nationalism: Five Roads to Modernity*, Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2001. О связи сентиментализма и национализма у Карамзина см.: В. Живов, *Новое литературное обозрение*, 2008, № 91, с. 114–141. По другим аспектам проблематики нации см.: Andrew Kahn, *Nikolaj Karamzin, Letters of a Russian Traveler: a translation, with an essay on Karamzin’s discourses of Enlightenment*, Voltaire Foundation: Oxford, 2003; Andreas Schönle, *Authenticity and Fiction in the Russian Literary Journey, 1790–1840*, Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2000; Ю.М. Лотман, *Сотворение Карамзина*, Москва: «Книга», 1987.

² E.M. Thompson, *Trubadurzy imperium. Literatura rosyjska i kolonializm*, przekł. Sierszulska A., Kraków: UNIVERSITAS, 2000, s. 89.

³ Ibid., s. 92.

⁴ Р.Б. Казаков, «Географические реалии “Исторического похвального слова Екатерине II” Н.М. Карамзина», *Историческая география: пространство человека vs человек в пространстве: материалы XXIII междунар. науч. конф.*, Москва, 27–29 янв. 2011 г., Москва: РГГУ, 2011, с. 263–267.

⁵ В. Проскурина, *Мифы империи: литература и власть в эпоху Екатерины II*, Москва: Новое литературное обозрение, 2006, с. 98, 179, 180.

сателя из «Письма русского гражданина» (1818) по поводу идеи Александра I отдать Царству Польскому территории современной Правобережной Украины, Белоруссии и Литвы. Карамзин категорически против этого, но в его аргументах отсутствует, как говорит Миллер, самый главный националистический аргумент – то, что на этих территориях проживают белорусы, русские и малорусское население⁶. Он делает вывод, с которым можно согласиться, что перед Карамзиным не стоял вопрос «самоопределения нации» за счет «ропуска» империи.

Неоднозначное отношение Карамзина (повествователя) в «Бедной Лизе» (1792) к «новой» России как империи, т.е. светской, просвещенной, европеизированной стране, и к «древней» России как стране патриархальной, религиозной и традиционной проблематизирует Андреас Шенле. Имперская Москва не только находится в неравномерных («эксплуататорских») отношениях с окраинами империи, но и своим «просвещенным» курсом вступает в сложные отношения с национальными традициями⁷. В такой форме эта проблематика, пожалуй, присутствует только в этом произведении Карамзина.

Представляется, что различия между нацией и империей в текстах Карамзина можно обнаружить на уровне их поэтики, раскрывающейся в текстах

посредством определенных художественных элементов. Так, нацию у Карамзина можно рассматривать не только как отрефлексированное им понятие, имеющее определенный исторический и общественный контекст употребления⁸, но и как своего рода инклюзивное дискурсивное сообщество, с которым в процессе чтения читатель может отождествить себя независимо от его национальной принадлежности. То есть, опираясь на идею Бенедикта Андерсона, нацию уместно рассматривать как некое «воображаемое сообщество»⁹.

Соотношение нации и империи на уровне их поэтики, учитывая релевантные для нее художественные элементы текстов, будет показано посредством раскрытия их связи с эстетическими категориями возвышенного и прекрасного в контексте эстетики Эдмунда Берка («Философское исследование о происхождении наших идей возвышенного и прекрасного», 1756). С одной стороны, Берка и Карамзина объединяет общая парадигма консервативного мышления и общие способы представления консервативного дискурса в языке¹⁰. А с другой – хотя Карамзин и не концептуализирует возвышенное и прекрасное, однако на основе анализа его текстов

⁶ А. Миллер, «Империя и нация в воображении русского национализма. Взгляд историка», <http://www.polit.ru/article/2005/04/14/miller/> [2012 08 15]

⁷ А. Шенле, «Между “древней” и “новой” Россией: руины у раннего Карамзина как место modernity», *Новое литературное обозрение*, 2003, № 59, с. 129.

⁸ О значениях понятия «нация» в России см.: А. Миллер, «История понятия нация в России», *Понятия о России: к исторической семантике имперского периода*, Москва: Новое литературное обозрение, 2012. Т. 2, с. 7-49.

⁹ Benedict Anderson, *Imagined Communities: Reflections on the Origins and Spread of Nationalism*, 1983, 2-nd rev. ed., London: Verso, 1991, p. 6.

¹⁰ Ю.А. Филатова, *Формирование консервативного стиля мышления: Эдмунд Берк и Николай Карамзин*: Дисс. ... канд. истор. наук: 24.00.01. Москва, 2005.

можно сделать вывод об их наличии (как и у Берка) в его политическом «воображении» как глубинных эстетических принципов.

В статье ставится *задача* показать, что поэтика нации у Карамзина в основном определяется через эстетику прекрасного, а поэтика империи – через эстетику возвышенного.

Следует кратко охарактеризовать, каким образом в эстетике Берка понимается возвышенное и прекрасное. Характерная черта переживания возвышенного заключается в испытываемых эмоциях *страха* или *ужаса* (или трепета, уважения, почитания) при встрече человека с возвышенным объектом, который связан с идеей огромности, опасности, силы, или бесконечности, а также ассоциируется с идеей *боли* и *самосохранения*. В противоположность возвышенным объектам, прекрасные объекты связаны с идеей *удовольствия* и вызывают симпатию или любовь, которые *социальны* по своей природе, поскольку направлены на общение и установление контакта. Источником переживания прекрасного могут быть предметы небольших размеров, плавные линии, светлые цвета и т.д.¹¹.

Кроме того, моральные качества индивидуума или его добродетели также могут быть прекрасными или возвы-

шенными. К возвышенным или величественным относятся добродетели, связанные с политикой и военным делом, а это – справедливость, мудрость, мужество¹². Они принадлежат к «мужской» сфере деятельности¹³. Прекрасные добродетели – доброта, нежность, снисходительность, сострадательность – Берк определяет как «мягкие», или приущие женщинам¹⁴.

Нил Вуд пишет, что политические размышления об устройстве общества у Берка также связаны с эстетическими воззрениями. В основе любого сообщества (например, семьи или нации) лежат два принципа: социальный принцип (дружба, сострадание – мягкие добродетели) и принцип политический (власть, справедливость, мудрость – великие добродетели). Таким образом, в устройстве любого общества в различных пропорциях проявляются эстетические принципы прекрасного и возвышенного¹⁵. Эстетика Берка демонстрирует пример взаимосвязи между эстетическими категориями, идеями о власти и о поле¹⁶, что является важным для определения поэтики нации и империи у Карамзина.

При анализе поэтики империи у Карамзина важен и подход Харши Рама, который показал, что в русской оди-

¹¹ В противоположность эстетике классицизма, Берк считал, что не пропорциональность, правильность и совершенство формы являются критериями «прекрасности» объектов, а, наоборот, их мягкость, гладкость, слабость, хрупкость и подчиненность. – См: Э. Берк, *Философское исследование о происхождении наших идей возвышенного и прекрасного*, пер. с англ. Е.С. Лагутина, Москва: «Искусство», 1979, с. 117-143.

¹² N. Wood, “The Aesthetic Dimension of Burke’s Political Thought”, *Edmund Burke*, Hampshire-Monk (ed.), University of Exeter, UK: ASHGATE, 2009, p. 173.

¹³ S.K. White, *Edmund Burke: Modernity, Politics, and Aesthetics*, California: Sage publications, 1994, p. 32.

¹⁴ Ibid.

¹⁵ N. Wood, *Op. cit.*, p. 175.

¹⁶ S.K White, *Op. cit.*, p. 33.

ческой традиции XVIII в. риторика возвышенного была тесно связана с тематикой империи. Эту связь он предлагает называть традицией «имперского возвышенного»¹⁷. Взаимосвязь между возвышенным и империей, с его точки зрения, обнаруживается в особой организации пространства. Его вертикальная ось символизирует восторг или вдохновение поэта, которому он «вынужден» подчиниться. Такое подчинение является аналогом подчинения поэта имперской власти. В свою очередь, горизонтальная ось «уравновешивает» вертикальную, символизируя обширную географическую (космическую) панораму империи, ее исторические победы и достижения¹⁸.

Теперь можно перейти к непосредственному анализу поэтики *нации*, которая, как будет показано далее, тесно связана с *поэтикой прекрасного*, раскрывающейся на уровне эмоциональных отношений (между подданными и монархом), а также на уровнях изображения пространства (которое «занимает» воображаемое сообщество) и времени (в котором это сообщество «существует»).

Характерной особенностью *эмоциональных отношений* между подданными и монархом во всех малых жанрах у Карамзина является наличие эвристических (положительных) эмоций, *любви* и *радости*. В отличие от М. Ломоносова, в панегирических жанрах Карамзина проявляется тенденция «смягчения»

добродетелей монархов, Екатерины II, Павла I и Александра I, которые противопоставляются Петру I. «Жесткость» и прямолинейность петровской власти контрастируют с «мягкостью» власти Александра I и Павла I¹⁹. В политических статьях Карамзина мягкие добродетели Александра I также противопоставлены возвышенным добродетелям и силе, воплощенным в Наполеоне. Прекрасными добродетелями наделяется и Екатерина II в «Историческом похвальном слове Екатерине II» (1802)²⁰. Она неизменно называется «матерью отечества»²¹, и именно мягкие добродетели («ангельский вид», «человеколюбивая», «кроткая») «произвели к Ней всеобщую любовь двора»²². Хотя Карамзин отмечает нужду монархов в возвышенных добродетелях (справедливость, правосудие, способность вызывать страх у «врагов»)²³, явное

¹⁹ Напр., Александр I в одах «На торжественное коронование Александра I» (1801) и «Его императорскому величеству Александру I» (1801) характеризуется как: «добрый царь», «краса людей», «[ему] одна любовь прелестна», «отечества отец», «монарх сердец», «любимый и любви достойный». Оба монарха по своей «человечности» и «мягким» добродетелям противопоставляются Петру I. Карамзин в «Оде на случай присяги московских жителей Павлу I» (1796) пишет: «Петр Первый был всему начало:/ Но с Павлом Первым воссияло/ В России счастье людей», «Но ты еще дороже нам:/ Петр был велик, ты мил сердцам». – Н. Карамзин, *Полное собр. стихотворений*, Ленинград: «Советский писатель», 1966, с. 189.

²⁰ Далее – «Похвальное слово».

²¹ Н. Карамзин, *Сочинения Карамзина в 9-ти тт.*, Москва: Типография С. Селивановского, 1820. Т. 8, с. 126.

²² Там же, с. 10.

²³ Напр., в оде «Его императорскому величеству Александру I» лирический герой призывает Александра «беречь грома для врагов», чтобы он «разил единое злодейство», с. 262.

¹⁷ Harsha Ram, *The Imperial Sublime: A Russian Poetics of Empire*, Madison: University of Wisconsin Press, 2003, p. 5.

¹⁸ Ibid., p. 65.

предпочтение он отдает добродетелям мягким или прекрасным (сострадание, доброта, терпимость).

Мягкость способствует сокращению дистанции между подданными и имперской властью благодаря тому, что монарх представляется таким же человеком, как и его подданные: «У вас на троне человек», – говорит Клио об Александре²⁴. Наделение монарха «домашними» добродетелями (милость) делает его более «доступным» для подданных (вызывает не восторженный страх, а любовь) и способствует проявлению в обществе направленных на общение социальных аффектов – удовольствия, симпатии, любви, являющихся выражением прекрасного²⁵. Наделение монархов мягкими добродетелями свидетельствует об утопической тенденции в «воображении» нации в текстах Карамзина.

Разные исследователи обращали внимание на утопичность или «нереалистичность» «Похвального слова»²⁶. Однако данное произведение интересно не только с точки зрения идейных особенностей предназначенной для Александра I политической программы. Оно представляет собой наиболее яркий пример функционирования прекрасного в конструировании нации как «идеального» воображаемого сообщества. Утопичность этого произведения

(и некоторых других) определяется присутствием идиллических топов²⁷ и сентиментализацией исторических персонажей²⁸. Представляется, что сентиментализацию можно отнести к эстетической парадигме прекрасного, связав ее с присущим этой парадигме набором эмоциональных реакций, отличающихся от эмоций парадигмы возвышенного.

Подчеркивая «семейные» добродетели Екатерины и других монархов, Карамзин выстраивает идеальную модель нации как семьи во главе с монархом. Модель отношений в частной семье, основанная на любви, переносится на «большую семью». С точки зрения Берка, для эффективного функционирования общества важно совмещение социального принципа (или дружбы) с политическим принципом власти, который становится тем необходимее, чем большим становится общество. Карамзин, учитывая необходимость сильной власти, все же более симпатизирует принципу дружбы.

Своими мягкими добродетелями Екатерина II притягивает подданных к себе, объединяя их в одно сообщество, основанное на любви, в которое включаются не только русские, но и «дикие», которые «обожают Великую», а также иностранцы, воспринимающие Екатерину как «свою» («Не представлялось

²⁴ Н. Карамзин, «На торжественное коронование Александра I», с. 268.

²⁵ Идея прекрасного основывается на «аффекте общения». – См: Э. Берк, *Указ. соч.*, с. 71-73.

²⁶ Напр., Ю.М. Лотман, *Указ. соч.*, с. 279; П.Н. Берков, *Проблемы исторического развития литературы*, Ленинград: Художественная литература, 1981, с. 305.

²⁷ О трансформации жанра идиллии в творчестве Карамзина см.: Gitta Hammarberg, *From the Idyll to the Novel: Karamzin's Sentimentalist Prose*, New York: Cambridge University Press, 2006.

²⁸ W.H. Dewey, "Sentimentalism in the historical writings of N.M. Karamzin", *American Contributions to the Fourth International Congress of Slavists*, 'S-Gravenhage: Mouton, 1958, p. 41-50.

ли вам, что вы зрите Монархиню мира и вашу собственную?» – риторически спрашивает Карамзин у иностранцев)²⁹. Характерно то, что в «Похвальном слове» нигде не встречается обращение к «русским». Адресатом текста являются «сограждане» или «россияне», охватывающие собой все имперское разнообразие населения (например, «депутаты», собравшиеся слушать «Наказ» Екатерины, представляют такие разные народы, как «лапландские ихтиофаги», камчадалы, самоеды, финны и т.д.)³⁰, которое риторически объединяется в одно инклюзивное сообщество, основанное на любви и коррелирующее с пространством всей империи.

В малой художественной прозе («Наталья, боярская дочь» 1792, «Марфа-посадница», 1802) также проявляется тенденция смягчать добродетели Алексея Михайловича и Иоанна III, и подчеркивается любовь, объединяющая субъектов в одно сообщество, описываемое посредством метафоры семьи³¹. Однако в отличие от других жанров, в малой прозе выражена идентификация «своих» с православным вероисповеданием, противопоставляемым религии «неверных». Тем самым нация воображается как более «эксклюзивное» сообщество, нежели в панегирических текстах.

Настоящее время в панегирических жанрах и политических статьях также способствует артикуляции прекрасного в нации. В одах приход «новых» монархов связан с надеждами на счастье, а содержание временного вектора раскрывается через топос «покоя», который конкретизируется посредством следующего семантического поля: мирное время, законы и счастье людей. Благодаря покою в обществе развиваются искусства и просвещение, а также актуализируются «социальные» эмоции (радость, удовольствие). Топос покоя перекликается с распространенным утопическим мотивом в русской литературе XVIII в. – мифом об Астрее и образом России как прекрасного сада, который насаждает император-садовник³².

В политических статьях мирное время важно тем, что в нем проявляется социальный принцип дружбы или любви – оно «утверждает сердечную связь подданных с монархами»³³. Особая роль в «утверждении сердечных связей» принадлежит литературе: «Литература, более нежели когда-нибудь способствуя истинному просвещению, обратилась ныне к утверждению всех общественных связей»³⁴. Установление связей и есть проявление прекрасного³⁵, а «чувствительность» Александра I, покрови-

²⁹ Н. Карамзин, «Похвальное слово», с. 59.

³⁰ Там же, с. 47.

³¹ Карамзин говорит об Иоанне в «Марфе-посаднице»: «великий государь русский победил русских: любовь отца-монарха сияла в очах его» (Н. Карамзин, *Избранные соч. в 2-х тт.*, Москва-Ленинград: Художественная литература, 1964. Т. 1, с. 724). В «Наталье, боярской дочери» сын опального боярина рассказывает Наталье, что, когда он приезжал в Москву, то «часто видал государя, отца народного» (Там же, с. 647).

³² Stephen Lessing Baehr, *The Paradise Myth in Eighteenth-Century Russia: Utopian Patterns in Early Secular Russian Literature and Culture*, Stanford, California: Stanford University Press, 1991, p. 65.

³³ Н. Карамзин, «Всеобщее обозрение», *Вестник Европы*, 1802, № 1, с. 84.

³⁴ Н. Карамзин, «Приятные виды, надежды и желания нынешнего времени», *Вестник Европы*, 1802, № 12, с. 318.

³⁵ Э. Берк, *Указ соч.*, с. 75, 76.

тельствующего просвещению, способствует их формированию. Топос покоя и важность установления эмоциональных связей по вертикали (монарх – народ) проявляется и в противопоставлении стабильности России (и силы самодержавного правления) хаосу Французской революции и идее равенства. При этом Карамзин подчеркивает, что связи устанавливаются и порядок поддерживается не в результате использования властью страха (или террора), как это происходило во время революции, а в результате обоюдной любви между народом и монархом и понимания необходимости самодержавного строя, который может обеспечить счастье подданных в империи³⁶.

Для проявления прекрасного в нации как воображаемом сообществе существенное значение имеет и *пространство*. В малой прозе важны как противопоставление «своего» и «чужого» пространства, так и выделение и конкретизация в рамках «своего» пространства *родины*, которая описывается в терминах категории прекрасного. В пространство родины у Карамзина входят Москва («Наталья, боярская дочь», «Бедная Лиза») и провинция – место слияния Свияги и Волги («Рыцарь нашего времени», 1803). Родина характеризуется *красотой*, *религиозными* коннотациями и связью с *детством*. Например, в «Наталье, боярской дочери» в реакции Алексея Любославского на вид «блестящих глав церквей» в Москве акцентируются *«радостные*

слезы» и воспоминания о *«золотых днях младенчества»*³⁷. У Леона из «Рыцаря нашего времени» родина ассоциируется с детством и Волгой: он пишет, что, будучи взрослым, при виде Волги «родина и беспечная юность тотчас представлялись его воображению, трогали душу, извлекали слезы. Кто не испытал нежной силы подобных воспоминаний, тот не знает весьма сладкого чувства. Родина, апрель жизни, первые цветы весны душевной!»³⁸. Таким образом, переживание родины связано с *умилением*.

Можно обнаружить соответствие между влечением к *родине* и влечением к *женщине*, описываемых в «Рыцаре нашего времени» в терминах прекрасного. «Сладкое чувство», «апрель», «цветы» связаны с удовольствием или симпатией, главным аффектом, на котором основывается прекрасное. По Берку, любовь или удовольствие (в тексте это названо «сладким чувством») вызывают объекты «небольших» размеров³⁹, а также женщина – главный символ, олицетворяющий прекрасное в его эстетике, поскольку она обладает «утонченностью» и «хрупкостью»⁴⁰. Эпитет «нежный», в употреблении которого напрашивается параллель с Екатериной II, объединяет чувство к родине с чувством к женщине: Карамзин в «Похвальном слове» акцентирует нежность императрицы, особо притягивающую подданных и «чужеземцев»⁴¹. А Волга в

³⁶ Н. Карамзин, «Похвальное слово», с. 51, 58-59.

³⁷ Там же, с. 647.

³⁸ Н. Карамзин, *Избранные соч.* Т. 1, с. 767.

³⁹ Э. Берк, *Указ. соч.*, с. 139.

⁴⁰ Там же, с. 141-143.

⁴¹ Н. Карамзин, «Похвальное слово», с. 124-126.

стихотворении «Волга» является одним из пространственных векторов ее правления, при котором «одной державы народы в тишине живут и все одну богиню чтут»⁴², где «богиня», конечно же, символизирует Екатерину II. Параллель между чувством к родине и женщине еще сильнее подчеркивается тем, что Леон «с неописанным удовольствием» показывает *графине*, заменявшей ему «нежную маменьку», «любезные места своей родины»⁴³.

Таким образом, пространство родины не тождественно пространству огромной империи. С одной стороны, оно связано с православием (из него исключаются «неверные»). С другой стороны, оно отличается компактностью и интимностью: родина детства Леона – это замкнутое, спокойное провинциальное пространство, отграниченное от внешнего мира. Сама Волга как символ родины «миниатюризируется», и в ней подчеркивается прекрасное. Следует отметить, что Волга может также символизировать империю, которую населяют «многие народы»⁴⁴. В стихотворении «Волга», наряду с ее «прекрасными» характеристиками, говорится и о ее «великости»: она названа «божеством», «священной в мире рекой»⁴⁵, включаясь тем самым в «мировой контекст» и становясь для лирического героя источником переживания возвышенного. Можно сказать, что в малой прозе «пре-

красная природа» совмещается с более «экслюзивным» воображаемым сообществом, связанным с православной идентичностью, а также более локальным, частным, конкретным, иррациональным опытом переживания родины, которая, в понимании Карамзина, является первой ступенью в любви к отечеству (физической), ведущей затем к ее высшему типу – «патриотизму» (или «народной гордости»), «требующему рассуждения»⁴⁶.

Возвышенное подводит нас к проблеме *поэтики империи*, которая раскрывается главным образом в плоскости изображения имперского пространства, в его соотношении с «чужим» пространством в широком контексте и специфике действия имперской власти. Наиболее ярко поэтика империи проявляется в панегирических жанрах и политических статьях.

В текстах Карамзина само *пространство империи* является источником переживания *возвышенного*⁴⁷. Характерно то, что «История государства Российского» начинается с констатации принципиально возвышенной и таинственной природы образования империи. Карамзин говорит именно о «пространстве сей единственной державы», от которого «мысль цепенеет», с которым «Рим в своем величии не может сравняться», он удивляется тому,

⁴² Н. Карамзин, *Полное собр. стихотворений*, с. 118.

⁴³ Н. Карамзин, *Избранные соч.* Т. 1, с. 780.

⁴⁴ Н. Карамзин, *Полное собр. стихотворений*, с. 120.

⁴⁵ Там же, с. 118-120.

⁴⁶ Н. Карамзин, «О любви к отечеству и народной гордости», *Вестник Европы*, 1802, № 4, с. 59.

⁴⁷ Функции возвышенного в текстах Карамзина, в частности, его связи с некоторыми аспектами поэтики империи, посвящена отдельная статья. – См.: Julija Snežko, "Political Aspects of the Sublime in Nikolaj Karamzin's Texts", *Cahiers de l'ILSL: Université de Lausanne*, 2012 (*в печати*).

как разнородные земли могли «составить одну Державу с Москвою», а также поражается «смеси разноплеменных жителей»⁴⁸. Здесь отражены основные составляющие карамзинского восприятия империи: огромное пространство, параллель с Римской империей, гетерогенность пространства и населяющих его народов.

Если в карамзинских одах пространство империи представлено достаточно схематично, то в «Похвальном слове» источником переживания возвышенного становится уже более широкая имперская географическая. Она охватывает и южный вектор расширения империи (Таврида, Кавказ, победы в русско-турецких войнах), и западный (Польша), и восточный (Сибирь). В данном произведении, как и у М. Ломоносова, стирается четкое различие в восприятии этнического русского центра и периферии, и превалирует «потенциальная бесконечность удаляющихся границ империи»⁴⁹. Имперское пространство маркировано «незримым» присутствием Екатерины-«божества», которая сравнивается с солнцем и власть которой неограниченно распространяется в огромном пространстве. Удаляющиеся границы империи символизируются, с одной стороны, вертикалью, «мраком отдаления», «тению снежного Кавказа», а с другой – горизонталью, «вечными льдами пустынной Сибири»⁵⁰. Пространство империи оказывается местом

действия и приложения власти императора, в противоположность пространству родины.

Для поэтики империи присуще особое отношение к «чуждому» пространству со стороны повествователя или монархов (или же «фигур», репрезентирующих монархов), тесно связанное с вопросом властных отношений в колониальном контексте в целом. В этом отношении характерна статья Карамзина «О Российском посольстве в Японию» (1803). В ней описывается предстоящее путешествие русских мореплавателей, целью которого было установление дипломатических и торговых отношений с Японией. Помимо этого, «посольство» должно было стать составной частью первой российской кругосветной морской экспедиции⁵¹.

Пересечение океана имеет особое значение в поэтике пространства. Например, как пишет Джойс Чаплин, «пересечение Атлантического океана было исключительной частью европейской или даже имперской истории»⁵², а сам океан «содержал много возможностей, будучи пространством силы, или свободы, или восторга, или прибыли, или возвышенного, или рутины»⁵³. Предстоящая экспедиция предоставляет России

⁴⁸ Н. Карамзин, *История государства Российского*, изд. 2-ое, испр., Санктпетербург: В типографии Н. Греча. Т. 1, с. XII.

⁴⁹ Narsha Ram, *Op. cit.*, p. 77.

⁵⁰ Н. Карамзин, «Похвальное слово», с. 5.

⁵¹ Н.Н. Болховитинов, *История Русской Америки: Деятельность Российской-американской компании, 1799–1825*, Москва: Международные отношения, 1999. Т. 2, с. 87. Кроме того, эта экспедиция должна была способствовать укреплению позиции русских в Северной Америке (Там же, с. 87).

⁵² J.E. Chaplin, “The Atlantic Ocean and Its Contemporary Meanings, 1492–1808”, *Atlantic History: a Critical Appraisal*, Greene, J.P. and Morgan, P.D. (eds), Oxford, NY: Oxford University Press, 2009, p. 39.

⁵³ *Ibid.*, p. 49.

возможность «освоить» океанское пространство, стать в один ряд с другими европейскими империями. Карамзин воспринимает путешествие как предпринятие, возвышенность которого связана с идеей преодоления трудностей или «блестящих опасностей»⁵⁴.

Российские путешественники методически репрезентируют императора или его власть – путешествие представляется как продолжение дела Петра I, создавшего российский флот в целях безопасности и развития торговли⁵⁵. Символом власти становится российский флаг («в первый раз флаг России *окружит* [Курсив Карамзина. – Ю.С.] шар земной»⁵⁶), который указывает на возможное расширение потенциала имперского пространства или сферы его влияния.

С имперской поэтикой связано и разное отношение повествователя к «своей» и «чужой» природе. С одной стороны, «чужая» природа, представляющая собой смесь ужаса, красоты и экзотики (Япония, Бразилия), подлежит научно-покорению: ее «ужасы и красоты» вызывают «благородный энтузиазм Наук»⁵⁷. С другой стороны, возвышенное в природе связано с преодолением трудностей, конструируя возвышенный характер власти имперского центра, представленного путешественниками⁵⁸. Результатом преодоления труд-

ностей становится «победа» силы ума: «любопытство деятельного ума имеет рай свой, неизвестный умам робким и ленивым»⁵⁹. В победе ума возвышенное проявляется, скорее, в кантовском, нежели в берковском понимании. По Берку, в момент переживания возвышенного ум полностью захватывает одна идея, подчиняя себе человека⁶⁰. Здесь же дана установка на победу просвещенного разума⁶¹ не только над страхом, но и над «дикими народами» и природой. Таким образом, возвышенное и экзотическое не являются нейтральными эстетическими характеристиками природы – «преодоление» возвышенного имплицитно подразумевает утверждение возвышенной имперской силы.

Следует отметить, что природа Петербурга и Сибири также попадает в категорию «чужой природы». Подобно тому, как Сибирь является «хладным гробом»⁶² и характеризуется «безлюдностью» и «печалью», так и «унылый» Петербург требует «новых жертв преждевременной смерти»⁶³. Ни величественная природа Сибири, ни унылая природа окрестностей Петербурга, в отличие от Москвы и ее окрестностей, не

перское возвышенное в советской культуре второй половины 1930-х годов», *Новое литературное обозрение*, Москва, 2009, № 95, с. 59.

⁵⁹ Н. Карамзин, «О Российском посольстве в Японию», с. 167.

⁶⁰ Э. Берк, *Указ. соч.*, с. 88.

⁶¹ Кант писал, что разум одерживает победу над воображением, не способным «охватить» превосходящий по величине его способности чувственный предмет. См.: И. Кант, *Сочинения в 6-ти тт.*, Москва: «Мысль», 1966. Т. 5, с. 250).

⁶² Н. Карамзин, «Похвальное слово», с. 39.

⁶³ Н. Карамзин, *Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях*, Москва: Наука, 1991, с. 38.

⁵⁴ Э. Берк, *Указ. соч.*, с. 107.

⁵⁵ Н. Карамзин, «О российском посольстве в Японию», *Вестник Европы*, 1803, № 11, с. 168.

⁵⁶ Там же, с. 166.

⁵⁷ Там же, с. 163.

⁵⁸ Дискурс покорения возвышенной природы может служить «источником нарративных стратегий для репрезентации власти». – См.: К. Кларк, «Им-

связываются у Карамзина с любовью к родине. Сибирь, будучи «дикой» частью России, важна как пространство, подлежащее окультуриванию с помощью «секиры» и «плуга»⁶⁴. Спецификой пространства, на котором возник Петербург, является «сопротивляемость» материала. В своем демиургическом предприятии Петр I должен был преодолеть это сопротивление и «одолеть натуру»⁶⁵. Таким образом, возвышенное в «чужом» пространстве подлежит «преодолению» в прямом и переносном смысле и связано с проявлением имперской власти.

«Своя» природа наделяется другими качествами. Примером тому является природа Москвы и ее окрестностей, которая актуализирует не идею ее освоения или преобразования, но идею ее естественности при минимальном вмешательстве человека⁶⁶. Карамзина волнует проблема «репрезентативности» города и природы, т.е. вопрос о том, какое место в Москве могло бы «дать выгодную идею о самих жителях»⁶⁷. С его точки зрения, им могло бы быть «гульбище» на берегу Москвы-реки рядом с «древним Кремлем», поскольку это место

отличается живописной природой. Наслаждение природой способствует проявлению принципа дружбы или социальности (являющихся, по Берку, выражением прекрасного)⁶⁸, благоприятствуя «счастливому сближению в духе, которое бывает следствием утонченного гражданского образования» людей, принадлежащих к разным социальным слоям⁶⁹. Именно московский живописный пейзаж, актуализирующий проявление прекрасного, с точки зрения Карамзина, «дает выгодную идею» о русском народе. Символом родины/страны здесь является «Москва белокаменная»⁷⁰, а любовь к ней выражается и в любви к «живописному пейзажу».

Таким образом, если природа Москвы и ее окрестностей может дать «выгодное понятие» о нации (красота природы метафорически переносится на нацию, представляющуюся приятным, живым сообществом, способным *чувствовать естественные* красоты), то экзотика и ужасы могут дать «выгодное понятие» об имперской составляющей нации (ее силе и способности *преодолеть или осваивать возвышенное*).

Стоит отметить, что Карамзин, восхищаясь возвышенностью пространства империи, тем не менее, в своих одах отдает предпочтение в его изображении прекрасному, т.е. образу империи как цветущего *сада*, в котором все живут в счастье. Огромное имперское пространство «одомашнивается», становится более удобным для восприятия,

⁶⁴ Н. Карамзин, «Похвальное слово», с. 43.

⁶⁵ Н. Карамзин, *Записка о древней и новой России...*, с. 38.

⁶⁶ О том, каким образом живописное в описании природы связано с идеей патриархальной идентичности и одновременно с проблематикой модерности см.: Andreas Schönle, *The Ruler in the Garden: Politics and Landscape Design in Imperial Russia*, Bern: Peter Lang, 2007, p. 219-239.

⁶⁷ Н. Карамзин, «Записки старого московского жителя», *Вестник Европы*, 1803, № 16, с. 284.

Карамзин разделял идеи А.Т. Болотова о том, что «стиль» ландшафта должен отражать «главные черты нашего морального характера». – См.: Andreas Schönle, *The Ruler in the Garden...*, p. 220.

⁶⁸ N. Wood, “The Aesthetic Dimension of Burke’s Political Thought”, p. 175.

⁶⁹ Н. Карамзин, «Записки старого московского жителя», с. 283.

⁷⁰ Там же, с. 279.

или интеллигибельным, а его переживание соответствует более локальному опыту переживания родины и нации как семьи. Можно сказать, что прекрасное в этом случае объединяет в себе две оптики – локальную (переживание нации как традиционного сообщества или большой семьи) и более универсальную (переживание принадлежности к имперскому государству).

Если изображение нации характеризуется утопичностью и выражается, главным образом, посредством языка прекрасного, то на международной политической арене акцентируются другие эмоции. Карамзин восклицает: «Прелестная мечта всемирного согласия и братства, столь милая душам нежным! Для чего ты всегда была мечтою? Правило народов и государей не есть правило честных людей; благо сих последних требует, чтобы первые более всего думали о внешней безопасности: а безопасность есть – могущество! Слабый народ трепещет; сильный, под эгидою величия, свободно наслаждается политическим бытием»⁷¹. Способность России как империи вызывать страх или ужас у «соседей» является нормативной эмоцией в политическом словаре Карамзина: «колосс России ужасен не только для соседей, но <...> рука его и вдали может достать и сокрушить неприятеля», – говорит повествователь в «Приятных видах и надеждах и желаниях нынешнего времени» (имеется в виду поход Суворова)⁷². Страх как бы «подчиняет» другие страны силе переживания возвышенного (так же, как и

лирического субъекта в ломоносовских одах).

Следует отметить наличие связи между страхом и ориенталистской риторикой⁷³, которую Карамзин использует в «О Российском посольстве в Японию». Ориенталистская риторика выражается в конструировании образа России как *просвещенной* страны по сравнению с «диким» востоком (российские колонии в Америке, Япония): образ «другого» как «дикого» дает повод для его окультуривания или колонизации⁷⁴. Эта риторика совмещается с идеей о необходимости поддержания безопасности границ. Рам отмечал, что уже в одах Ломоносова присутствует ориенталистская риторика – противопоставление Запада (России) и Азии (Востока и Юга) – и, с его точки зрения, их (оды) можно считать началом «ориенталистской идеологии» в России⁷⁵. Соглашаясь с мнением Марка Бассина, согласно которому «европеизации» образа России соответствовало подчеркивание азиатского характера владений России на востоке, Рам пишет: «чтобы развиваться как западная держава, Россия должна была искать свою судьбу на востоке»⁷⁶, поэтому в одах Ломоносова интересы империи направлены именно

⁷³ Об ориентализме см.: E.W. Said, *Orientalizmas*. Iš anglų k. vertė V. Davoliūtė ir K. Seibutis, Vilnius: Apostrofa, 2006.

⁷⁴ Напр., распространение культуры из имперского центра в «дикие» американские пространства характеризуется метафорой «засеивания», которое будет реализовываться с помощью «книг, картин, эстампов, бюстов», поставляемых Санкт-Петербургскими академиями. См.: Н. Карамзин, «О Российском посольстве в Японию», с. 164.

⁷⁵ Harsha Ram, *Op. cit.*, p. 77.

⁷⁶ Ibid.

⁷¹ Н. Карамзин, «Похвальное слово», с. 13.

⁷² *Вестник Европы*, 1802, № 12, с. 320.

в сторону востока⁷⁷. В рассматриваемой статье Карамзина интересы Российской империи также устремлены на восток⁷⁸. Чтобы сохранить покой внутри страны, она должна обладать торговым и военным могуществом (чтобы «английский фрегат [не] пришел бы иногда бомбардировать Ревель»⁷⁹).

При этом повествователь осуждает колониальные излишества, отмечая «хитрое корыстолюбие» европейцев, которые «по следам Колумба злодействовали в Новом Свете»; им противопоставляются русские: «молодые, благородные Россияне», «друзья человечества», «не хищники», «не тираны»⁸⁰. Однако существует определенное напряжение между жертвенным образом путешественников и их образом «легкого передового войска», обзревающего моря, «где скоро должна появиться армия»⁸¹. Это можно объяснить совмещением двух парадигм мышления, утопической и реалистической. С одной стороны, в политическом «воображении» Карамзина нация предстает как некое идеальное или утопическое сообщество, в котором преобладает любовь (прекрасное), а не страх. С другой стороны, Россия изображается как могущественная страна, обладающая геополитической силой и вызывающая страх у «других». Для поддержания прекрасного в нации ока-

зывается необходимым политическое могущество, способное быть источником переживания возвышенного для «соседей», выражающееся через страх и как бы подчиняющее их («слабый народ *трепещет*; сильный, под эгидою величия, свободно *наслаждается* политическим бытием»)⁸². Таким образом, поэтика нации как прекрасного утопического сообщества перемежается с языком «политического реализма»⁸³ или возвышенной парадигмы, связанной с поэтикой империи.

Итак, можно сделать *вывод*, что в целом поэтика нации описывается в терминах категории прекрасного, а поэтика империи – возвышенного. При этом обе поэтики *взаимосвязаны*, что подтверждает вывод Миллера о том, что у Карамзина нация и империя не являются несовместимыми *категориями*. Различие заключается в том, что нация, коррелирующая с империей, в панегирических и политических произведениях имеет «инклюзивный» характер, а в художественных прозаических произведениях переживание родины/нации связано с более локальным опытом, и, следовательно, нация имеет более «эксклюзивный» характер. При этом в политическом мышлении Карамзина прекрасное соответствует, скорее, утопической тенденции, а возвышенное – реалистической. В целом же, обе поэтики выражают разные аспекты нации как воображаемого сообщества.

⁷⁷ Ibid., p. 73.

⁷⁸ В XVIII в. Тихий океан в некоторых российских источниках назывался «Восточным морем». – См.: Р.В. Макарова, *Русские на Тихом океане во второй половине XVIII в.*, Москва: «Наука», 1968, с. 7.

⁷⁹ Н. Карамзин, «О Российском посольстве в Японию», с. 168.

⁸⁰ Там же, с. 166.

⁸¹ Там же, с. 170.

⁸² Н. Карамзин, «Похвальное слово», с. 14.

⁸³ О «политическом реализме» Карамзина в «Вестнике Европы» писал Ю. Лотман. – См.: Ю.М. Лотман, *Указ. соч.*, с. 282. Однако он не связывал его с наличием определенной эстетической парадигмы.

TAUTOS IR IMPERIJOS POETIKA NIKOLAJAUS KARAMZINO MAŽŪJŲ ŽANRŲ KŪRINIUOSE

Julija Snežko

S a n t r a u k a

Šiame straipsnyje yra tiriamas tautos ir imperijos santykis Nikolajaus Karamzino mažų žanrų tekstuose, tačiau ne sampratų, o poetikos lygmenyje, susiejant tautos bei imperijos „įsivaizdavimą“ su estetinėmis grožio bei pakylėtumo kategorijomis, remiantis Edmundo Berko estetika. Darbe yra parodoma, jog tautos poetiką galima aprašyti grožio kategorijos terminais, o imperiją – pakylėtumo. Tautos poetika skleidžiasi per bendruomenės, kurioje yra svarbiausios euforinės emocijos, gražios gamtos bei tėvynės

įsivaizdavimą ir yra glaudžiai susijusi su „socialumo principu“, kurio pagrindas yra malonumas. Imperijos poetika, savo ruožtu, reiškiasi per imperinės erdvės, jos santykį su „kitomis“ erdvėmis „pasauliniame“ kontekste suvokimą, bei imperinės valdžios veikimo specifiką ir yra susijusi su „valdžios“ ar jėgos principu, kuris grindžiamas baime. Tačiau abi poetikos nėra griežtai atskirtos ir bendresne prasme išreiškia skirtingus tautos kaip „įsivaizduojamos bendruomenės“ aspektus.

Получено: август 2012

Принято: октябрь 2012

Адрес автора:

Vilniaus universitetas

Rusų filologijos katedra

Universiteto g. 5

LT-01513 Vilnius, Lietuva

E-mail: julija444@yahoo.com